

RU

Социально-речевой портрет татарских крестьян конца XIX - начала XX в.

Мирхаев Р. Ф.

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению структуры социальной дифференциации татарского языка конца XIX - начала XX века, а именно стратификационно-ситуативных параметров социально-речевого портрета татарских крестьян. Цель исследования - определение степени соотношения разновидностей социально обусловленной вариативности татарского языка в коммуникативной практике указанных представителей татарского общества. Научная новизна работы заключается в том, что структура социальной дифференциации татарского языка до этого еще не становилась объектом научных изысканий ученых. В результате было выявлено, что коммуникативные потребности татарских крестьян в основном обслуживались разговорными формами татарского языка, которые в дальнейшем легли в основу его литературной страты.

EN

Social and Speech Portrait of the Tatar Peasants of the Late XIX - Early XX Century

Mirkhayev R. F.

Abstract. This work is dedicated to examining the structure of social differentiation of the Tatar language of the late XIX - early XX century, namely, the stratification-situational parameters of the Tatar peasants' social and speech portrait. The aim of the study is to find out the degree of correlation between the types of socially determined variability of the Tatar language in the communicative practice of these representatives of the Tatar society. The scientific novelty of the work lies in the fact that the structure of social differentiation of the Tatar language has not yet become an object of scientific research. As a result, it has been revealed that the communicative needs of the Tatar peasants were mainly served by the colloquial forms of the Tatar language, which later made a basis of its literary stratum.

Введение

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью исследования структуры социальной дифференциации татарского языка в определенные этапы его эволюции. Выбор указанного периода (конец XIX – начало XX в.) объясняется тем фактом, что этот хронологический отрезок в истории народа характеризуется как эпоха реформаторства, которая в корне изменила его социальную структуру, и как время наивысшего развития языка в структурном и функциональном планах. Учеными уже давно установлена обусловленность языковых изменений общественными факторами, и в свете вышесказанного исследование социально-речевого портрета крестьянства, которое в конце XIX – начале XX в. считалось самым многочисленным социальным слоем, позволило бы выявить детерминирующие связи между социальными переменами и сдвигами в функциональной парадигме языка в указанный период.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, изучить соотношение социально-речевого портрета татарских крестьян конца XIX – начала XX в. с функциональными стратами татарского языка; во-вторых, в рамках таких общественных сфер, как хозяйственная деятельность и быт, дать характеристику его ситуативным параметрам.

В качестве методов исследования были применены методы социолингвистической реконструкции и интерпретации.

Эмпирический материал был извлечен из произведений писателей-просветителей, а именно К. Бикколова (1868-1937) и Г. Исхаки (1878-1954), в работах которых в реальных тонах и мельчайших деталях описывается жизнь представителей рассматриваемого сословия. В языковом отношении в них находят отражение все тенденции, имевшие место в татарском языке в указанный период.

Теоретической базой исследования послужили труды Л. П. Крысина (2001), Б. А. Ларина (1928а; 1928б), Т. М. Николаевой (1991), А. Д. Швейцера (1982), посвященные вопросам моделирования социально-речевых портретов различных групп населения и проблемам исследования соотношения стратификационной и ситуативной вариативности языка, степени участия различных языковых идиомов в их структуре. Также были привлечены работы В. В. Виноградова (1980), В. И. Карасика (2002), Ю. Н. Караулова (1987), Т. П. Млечко (2014), в которых раскрывается методика описания языковой личности как типового представителя того или иного социального коллектива и определения исследовательских подходов к ее изучению.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, направленных на изучение структуры социальной дифференциации татарского и других языков, как в синхронии, так и в диахронии. Кроме этого, они могут быть внедрены в образовательный процесс на филологических факультетах высших учебных заведений.

Основная часть

Социально-речевой портрет татарских крестьян конца XIX – начала XX века и функциональные страты татарского языка. Социально-речевой портрет татарских крестьян второй половины XIX – начала XX в. в плане соотношения с функциональными стратами татарского языка характеризуется переменными чередованиями общенародно-разговорного кода с его региональными разновидностями. В крупных промышленных и экономических центрах, в частности в таких городах, как Казань и Уфа, в которые крестьяне отправлялись в поисках заработка и которые в этноязыковом плане представляли собой места смешения различных этнографических групп татарского народа, в речи данных представителей социума в рамках внутригрупповой коммуникации в большинстве случаев преобладал общенародно-разговорный язык, который в отдельных случаях осложнялся диалектными и просторечными вкраплениями. В уездных городах, расположенных непосредственно в ареалах распространения определенного диалекта, а также в сельской местности предпочтение отдавалось региональным разговорным формам татарского языка. Также в зависимости от ситуативных факторов могло происходить переключение на литературный код.

Ситуативные параметры социально-речевого портрета татарских крестьян конца XIX – начала XX века. Как языковой коллектив татарское крестьянство раскрывается в основном в рамках социальных контактов сферы хозяйственной деятельности и быта. С первыми соотносятся речевые акты между самими крестьянами, а также между ними и представителями других социальных слоев, групп и сообществ. Тяжелый труд на земле, который сопутствовал жизни крестьян с самого рождения, накладывал свой отпечаток на их речевые предпочтения.

1. Хозяйственная сфера. Одной из типичных ситуаций, характерных для сферы хозяйственной деятельности, наиболее ярко раскрывающих языковую личность татарского крестьянина рассматриваемого периода, является ситуация «одоление денег у зажиточного односельчанина», которая изначально ставит одну из сторон коммуникативного акта, а именно дающего в долг, в высокое положение так называемого «благодетеля», что, в свою очередь, обуславливает выбор им авторитарного стиля общения, осложненного оттенками пренебрежительности и надменности в отношении противоположной стороны. В качестве индикаторов отмеченных выше компонентов речевой ситуации выступают такие элементы разговорного идиома, как выражения *әллә кем буласыз* ‘становитесь важной птицей’, *үзеңезне үзеңез танымыйсыз* ‘сами себя не узнаете’, *кем кушкан сезгә өстеңезгә ситса күлмәк кийәргә* ‘кто велел вам одевать ситцевую рубаху’, *бу вакытка кадәр нишләп түләвенезне салмадыңыз?* ‘почему до этого времени не заплатили свои налоги?’, *күптән килеп міндән урак алып куйарга кирәк иде* ‘давно пора было уже взять у меня жатву’, *йарты такта чәйеңез булса, әллә кем булып йөрисез* ‘если у вас есть плиточный чай, то вы ходите, как важные птицы’, *байны бай димисез* ‘не признаете бая баем’, *миндә сезгә бирә торган акча йүк* ‘у меня нет для вас денег’ (Бикколов, 1908, с. 5) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Р. М.).

При этом противоположная сторона в силу безвыходности своей ситуации придерживается почтительного тона, граничащего с самоуничижением, о чем в приведенном ниже примере свидетельствуют выражающие мольбу лексема *зинһар* ‘пожалуйста’ и разговорные конструкции *тыңлый күр* ‘только послушай’, *жиребезне ала күр* ‘только возьми нашу землю’, *сарыгымны ала күр* ‘только возьми мою овцу’, *сходта кыйната күрмә* ‘только не допусти, чтобы нас побили на сходе’, которые содержат выражающий модальность просьбы десемантизированный вспомогательный глагол *күрү* ‘видеть’: *Бичара фәкыйр халык кайа барсын?! Ыстаршиналар йанына буш кул барса, эшнең мондан да йаманрак булачагын уйлап: «Зинһар, Алтынбай агай, тыңлай күр, нигә генә алсаң да йиремезне ала күр, йәки сарыгымны ала күр, ысходта кыйната күрмә», – диб йалыналар иде* (Бикколов, 1908, с. 6). / ‘Куда пойдут несчастные бедные люди? Подумав о том, что дело может обернуться еще хуже, если пойдут к старейшине с пустыми руками, они умоляли, говоря: «Пожалуйста, Алтынбай агай, только послушай, только что угодно заberi, только возьми нашу землю, только возьми мою овцу, только не допусти, чтобы нас побили на сходе»’.

Традиционный уклад жизни, основанный на общинных порядках, подразумевал решение важных проблем всем миром на сходе селян. Соответственно, еще одной немаловажной ситуацией, сопутствующей жизни крестьян в сфере хозяйственной деятельности, являлось «обсуждение общественно значимых вопросов на сходе». Одной из основных проблем, выносимых на всеобщее рассмотрение, была постройка новых мечетей. В данном

случае перед ораторами стояли задачи завоевания благосклонности слушающих, привлечения к себе их внимания и удержания его в течение всего своего выступления. Для этого, как видно из приведенного ниже примера, выбирался высокопарный стиль, а речь насыщалась такими элементами письменного литературного языка, как конструкция *Һәммәңезгә мәгълүм* 'всем вам известно', содержащая местоимение с аффиксом принадлежности второго лица множественного числа *-(ы)ңыз*, субстантивированное прилагательное с аффиксом принадлежности первого лица множественного числа *-(ы)мыз*, глаголы в формах третьего лица единственного числа настоящего времени индикатива на *-адыр* и второго лица множественного числа императива на *-(ы)ңыз*, а также традиционные для старотатарского письменного литературного языка составные глаголы, основу которых составляют осложненные общественно и социально значимыми коннотациями лексемы арабского происхождения: *...мәсҗед тышында калган Халид исемле бер куштан имам алдына килеп: «Жәмәгать, бер сүзем бар, менә һәммәңезгә мәгълүм, бу жомгада күбемез тышда укыдык, безнең авылда биш йөздән артык жан бар, албәттә, боларның ике йөздән артыгы жомгага киләдер, мәсҗедемез кечкенә, килеңез, иттифак итеп мәсҗедемезне зурайтыйк, йәки йәңә мәсҗед салырга иктиһад кылыйк», – дидектә...* (Бикколов, 1908, с. 9). / '...тогда приказной по имени Халид, не заходя в мечеть и подойдя к имаму, сказал: «Прихожане, у меня есть что вам сказать. Вам всем известно о нашем плане, так как в эту пятницу многие из вас прочитали об этом на улице. В нашей деревне имеется более пятисот душ, и, конечно, более двухсот из них ходят на пятничный намаз. Мечеть наша слишком мала. Давайте, объединившись, расширим нашу мечеть или поусердствуем, чтобы построить новую мечеть»...'.

Элементы письменной разновидности литературного идиoma татарского языка рассматриваемого периода, а именно аффиксы принадлежности первого лица множественного числа *-мыз* и формы первого лица единственного числа настоящего времени индикатива *-амын*, встречаются в речевых актах крестьян, реализуемых в рамках ситуации «передача сына в руки наставника». При их помощи подчеркивалось, что и им не чужды категории таких высших сфер, как наука и образование, а также выражалось уважительно-почтительное отношение к противоположной стороне. А использование выражений *әүвәл Аллаһыга, икенче сиңа тапшырамын* 'сначала Аллаху, после тебе поручаю' и *Аллага тапшырдык* 'поручили Аллаху' должно было указывать на то, что они также являются людьми набожными и благочестивыми: *Әти дамелла илә дә күрешеп кайтты. Соңра Закир хәлфәгә сәдака биреп: «Зинһар, баламызны карый күрсәнә, сабакны йахишы укый торган иде, тырыштыра күр, әүвәл Аллаһыга, икенче сиңа тапшырамын, хайерле сәгатъләр улсын инде, хуш, Аллага тапшырдык», – дип, әти атны жигеп өйгә китте* (Бикколов, 1909, с. 12). / 'Отец повидался с дамеллой. После встречи, дав Закиру хальфе денег, он сказал: «Пожалуйста, присматривай за нашим ребенком, чтоб он хорошо учился, заставь его стараться. Поручаю нашего сына сначала Аллаху, после тебе поручаю, в добрый час, прощай. Да будет на все воля Аллаха», – потом запряг коня и уехал домой'.

2. Сфера быта. Во внутригрупповых контактах крестьян в быту сложные и витеватые обороты письменного литературного идиoma заменялись простыми разговорными конструкциями, такими как *сары алашада 26 пот булды* 'из желтого мерина вышло 26 пудов', *52 шәр тийеннән бушаттык* 'разгрузили по 52 копейки' (Исхакый, 1998, с. 331), *тиле түгел* 'не дурак', *иртагә бармыйм* 'завтра не пойду', *үзең бар* 'сам иди', *сукага барырсың* 'поедешь на пашню' (Исхакый, 2001, с. 305).

Крестьянам, как и представителям остальных социальных слоев и групп татарского общества второй половины XIX – начала XX в., тоже была характерна определенная доля прагматичности, в основе которой было заложено желание достигнуть таких материальных благ, как крыша над головой и постоянный источник пищи в виде хлеба. При этом лишенные всего этого люди крестьянами презирались, так же как и представителями купечества и духовенства, смотревшими на них свысока. Свидетельством этому являются слова молодого крестьянина, высказанные им в разговоре с младшим братом в отношении пастуха, а именно такие выражения, как *Аның нәрсәсе бар?* 'Что у него есть?', *Өйе йук, йорты йук* 'Дома нет, хозяйства нет', *өйдән өйгә ашап йөри* 'ходит и ест из дома в дом', *аның кай йирендә рәхәте?!* 'в каком месте у него благо?!' (Исхакый, 2001, с. 306).

Прагматичность крестьян проявляется и в их отношениях со своими детьми, которым в отцовском доме в большинстве случаев отводилась роль помощников в хозяйственных делах, а в будущем была уготовлена тяжелая доля. Соответственно, старания крестьянских детей в сфере образования воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Как следствие этого в рассматриваемой среде доминировало своего рода пренебрежительное отношение к таким высшим сферам духовной жизни, как образование и наука, о чем свидетельствуют такие выражения, как *Әлегә чикле укымый торганнар көн күрә алмагандыр* 'Те, кто не учится, не могли бы дожить до этих времен', *Әлегә чикле укымый торганнар көн күрә алмагандыр* 'хочешь отправить в какие-то там медресе, чтобы стал жуликом' (Исхакый, 1998, с. 32).

Прагматичность повлияла и на восприятие крестьянами духовной стороны жизни. В частности, они не принимали сложных религиозных категорий, наполненных различными смыслами. Для них все должно было быть кратким и ясным, но не лишенным красочности. Познания крестьян в области мироздания в основном ограничивались уровнем райских наслаждений и страданий в аду. При этом в их глазах олицетворением первых обычно выступали услады гурии, а средством достижения данных благ – подаяния: *Бәйрәмнәр була, китап сөйләргә тотына. Бер сүз дә аңламыймыз. Бар иде элгәре вакытлар! Безнең иске хәзрәт вәгазһе йарып сала иде. Ул оҗмах-тамугнымы дисең, ул хур кызларымы дисең, ул сәдака савапларымы дисең? Менә хәзер шул карт хәзрәткән ишеткәннәр белән генә торамыз...* (Исхакый, 2001, с. 327-328). / 'Во время праздников мулла начинает пересказывать священную книгу. Мы ни слова не понимаем. Были раньше времена! Наш старший хазрат, бывало, проповедь только так рассказывал. Что ни возьми, и про рай, и про ад, про гурий, про воздаяния за приношения говорил? Вот теперь живем только услышанными от этого старого хазрата...'.

Несмотря на это, ученость, как атрибут большого авторитета, все же ценилась крестьянами. По мере возможности они старались давать образование своим детям, хотя бы на уровне основ религии: *Менә, йарар, йыл үтте, ике йыл үтте, мәдрәсәмеңгә кермәде. Өченче йылны керде, һәммәмез бит инде балаларымызны укытырга йөдәп торабыз. Намаз рәте өйрәнергә дә урын йук. Тотынды бу укытырга! Әллә нинди үзенең теге ат сатып алган китапларыны укытырга башлады. Балалар качып бетте. Дөрест, гыйлем шәп инде үзәндә: бөтен тирә-йәк мулласы үзәннән куркып тора, – диде дә, мужик та зур иттереп сулады* (Исхакый, 2001, с. 328) 'Вот, ладно, прошел год, прошло два года, сын не поступил в наше медресе. На третий год поступил, ведь мы все уж радеем за обучение наших детей. Так нет, чтоб научить намазу. Нет, он [хазрат] начал их учить совсем другому! Заставлял их читать какие-то книги, которые он купил за деньги, полученные от продажи той лошади. Дети сбежали. Правда, знания у него хорошие: все муллы округи боятся его, – сказав это, мужик глубоко вздохнул'.

Разговоры крестьян с главами приходо́в, реализуемые в рамках ситуации «приглашение на званый обед» из сферы быта, окрашиваются в уважительно-почтительные тона. В данном случае, как видно из приведенного ниже примера, в качестве индикаторов соответствующей тональности выступают обращения *Мулла* 'Мулла', *Мулла абый* 'Дядя мулла' и такие вопросительные конструкции, как *вакытыңыз улыр микән?* 'будет ли у вас сейчас времени?': *Иртәгесен әти иртә намаздан соң атны йигәргә куштыкда, сары тун кигән бер мужик ишекдән башын тыгып кына: «Мулла өйдә микән?» – диб кычкырды. «Кем ул?» – дийә әти каршы чыкдыкда: «Мулла абый, хәзер безгә ашка барырга вакытыңыз улыр микән?» – диде. Әти: «Йук, Халид агай, хәзер шәһәргә китәмез, мәхдүмне укырга илтәм», – дисә дә, Халид агай: «Әйдә мелла, әйдә, минем ашым хәзерләгән, кешеләрәм дәшкән, бала аты кушдырам», – дигәч...* (Бикколов, 1909, с. 3-4). / 'Утром отец после намаза пришел домой и приказал запрячь лошадь. В это время какой-то мужик в желтой шубе, просунув голову через дверь, крикнул: «Мулла дома?». Отец вышел навстречу и спросил: «Кто там?». Мужик в ответ: «Дядя мулла, будет ли у вас сейчас время, чтобы сходить к нам на званый обед?». Отец ему объяснил: «Нет, дядя Халид, сейчас уезжаем в город, везу махдума на учебу». Однако после того как дядя Халид сказал: «Айда, мулла, айда, у меня дома обед приготовлен, мои гости приглашены, имя ребенку будем давать (нарекать его будем)»...'

Однако нельзя сказать, что в своих речевых актах с муллами крестьяне всегда придерживались норм и традиций письменного литературного языка. Так, в следующем примере процесс обсуждения нелицеприятных поступков сельского хальфы целиком сопровождается конструкциями разговорного идиома, наиболее яркими из которых в плане передачи сопутствующей психологической атмосфере данного рода бесед эмоционально-экспрессивной напряженности являются выражения *тома сукур кеше ничек сабак укытсын соң* 'как же может проводить уроки совершенно слепой человек', *шау кыйнаб кына тора* 'все время только бьет' и *колакларын суырып чыгара йазган иде* 'чуть не вытянул уши': *Бер көн мәсҗеддән чыкганда мулла бабайга Сабирҗан абый каршы килеб: «Хәзрәт! Быйыл бик начар хәлфә китердең, тома сукур кеше ничек сабак укытсын соң, малайлар бер дә сабак белмиләр, хәлфә шау кыйнаб кына тора диб зарланалар. Кичә безнең Салимҗанның да колакларын суырып чыгара йазган иде», – диде* (Бикколов, 1912, с. 16). / 'Однажды, когда выходили из мечети, дядя Сабирзян, встретившись со стариком муллой, сказал: «Хазрат в этом году привез очень плохого хальфу [=учителя]. Как же может проводить уроки совершенно слепой человек! Мальчишки совсем не учат уроки и ничего не знают, жалуются на то, что хальфа все время только бьет. Вчера чуть не вытянул уши и нашему Салимзяну»'.

Полный переход на разговорную страту татарского языка у данных лиц наблюдается и в процессе внутригруппного общения. В данном случае в качестве индикаторов замены кода выступают такие образные выражения, как *йөзе кара* 'бесстыжий' и *усаллар белән дулашыб* 'подружившись здесь со злодеями', *ни кадәр нәрсә урлаб йаткан* 'столько вещей своровал', *барын да шулар ашаб йаткан икән* 'всех их, оказывается, они съели': *Мин мәктәпдән чыгып өйгә кайтканда, йулда дүрт-биш кеше бер ыргә жыйылыб: «Нинди йөзе кара, йат авылдан килеб, монда усаллар белән дулашыб ни кадәр нәрсә урлаб йаткан, һәр көн үрдәк дә каз йугала, барын да шулар ашаб йаткан икән», – диб сөйләшәләр иде* (Бикколов, 1912, с. 14-15). / 'Когда я вышел из школы и возвращался домой, встретил собравшихся вместе четыре-пять человек, которые говорили: «Какой бесстыжий оказался, приехав из чужой деревни и подружившись здесь со злодеями, столько вещей своровал, каждый день пропадали то утка, то гусь, всех их, оказывается, они съели»'.

В целом анализ эмпирического материала показал, что татарские крестьяне конца XIX – начала XX в. в рамках своей хозяйственной деятельности в основном использовали общенародно-разговорную форму татарского языка и его региональные варианты. Кроме этого, в зависимости от ситуативных факторов могли переключиться и на литературный код.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Развитие татарского языка в функциональном и структурном планах, которое наблюдалось в конце XIX – начале XX в., стало возможным именно благодаря широкой социальной базе, на которую он опирался в своем функционировании. Изменения, которые происходили в татарском обществе в указанный период, породили потребность в доступном и понятном всем слоям народа коммуникативном средстве. В этом качестве выступил общенародно-разговорный язык, который в дальнейшем лег в основу высшей функциональной страты современного татарского языка – его литературного идиома. Это подтверждается и результатами настоящего исследования. Представители самого многочисленного сословия татарского общества конца XIX – начала XX в., крестьянства,

в рамках сопутствующих их хозяйственной деятельности и быту ситуаций в основном пользовались разговорными формами татарского языка, хотя в зависимости от ситуативных факторов могли переключиться и на другие коды, в частности на литературный идиом. Все это характеризует их как полигlossных языковых личностей. Несмотря на то, что в трудах по истории татарского языка связи между лингвистическими и экстралингвистическими процессами учеными отмечались и ранее, исследование их соотношения на уровне речевой деятельности определенного сообщества в узком историческом срезе проводится впервые, в чем и заключается научная новизна настоящей работы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении структуры социальной дифференциации татарского языка в различных синхронных срезах, что позволит выявить степень детерминированности функциональных сдвигов в эволюции татарского языка социальными факторами.

Источники | References

1. Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкүрмешен тасвир иткән роман. Казан, 1908.
2. Биколов К. Ат караклары. Казан: Өмет, 1912.
3. Биколов К. Бәдәлче. Казан: Типо-литография Н. М. Чижовой, 1909.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
5. Исхакый Г. Әсәрләр: унбиш томда. Казан: Татарстан китап нәшр., 1998. Т. 1. Повестьлар һәм хикәяләр (1899-1908) / томны төзүче, текст, искәrmә һәм аңлатмаларны әзерләүче: Л. Гайнанова.
6. Исхакый Г. Әсәрләр: унбиш томда. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3 / томны төзүче, текст, искәrmә һәм аңлатмаларны әзерләүче: Л. Гайнанова.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
9. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
10. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города. Несколько предпосылок // Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1928а. Вып. 1.
11. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. 1928b. Вып. 3.
12. Млечко Т. П. Дифференциация подходов к изучению типологических разновидностей языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2014. № 1.
13. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюзной науч. конф.: в 2-х ч. М.: ИРЯЗ, 1991. Ч. 2.
14. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5.

Информация об авторах | Author information

Мирхаев Рифат Фирдинатович¹, к. филол. н., доц.

¹ Академия наук Республики Татарстан, г. Казань

Mirkhayev Rifat Firdinatovich¹, PhD

¹ Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ mirhaev77@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.04.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): социальная дифференциация языка; виды социальной вариативности языка; социально-речевой портрет; языковая страта; речевая ситуация; social differentiation of language; types of social variability of language; social and speech portrait; language stratum; speech situation.